

Вэй Чунжун никак не ожидал такого поворота событий и на мгновение застыл в оцепенении. Прежде чем его разум успел среагировать, тело, движимое инстинктами бойца, резко отпрыгнуло в сторону, избежав мягкого и совершенно безобидного удара мечом Цзюнь Хуа.

Если бы дело ограничилось только этим, это было бы просто неудачной попыткой малыша, который ещё плохо владеет мечом, и ничего страшного. Однако Цзюнь Хуа бросился вперёд с такой силой, что не смог остановиться и упал на землю.

Малыш лежал на полу, бросив меч в сторону, и начал плакать, издавая тихие всхлипывания. Неизвестно, было ли ему больно от падения, или он просто чувствовал себя неловко.

Вэй Чунжун, который очень любил Цзюнь Хуа, сразу же бросился к нему, поднял его на руки и, обняв, начал утешать:

— Маленькая обезьянка, не плачь, ты самая храбрая обезьянка! Скажи мне, где тебе больно?

Цзюнь Хуа не отвечал, продолжая плакать, и его слёзы промочили платок, которым Вэй Чунжун вытирал ему лицо.

Вэй Чунжун забеспокоился, боясь, что мальчик повредит горло или глаза, и поспешил предложить:

— Маленькая обезьянка, давай я снова с тобой позанимаюсь, хорошо?

Но Цзюнь Хуа не принял его предложения, оттолкнул его и продолжил плакать, становясь всё более расстроенным:

— Папа обманул меня, ууу...

В этот момент в зал вернулись Цзюнь Цин и Цзи Синь, которые временно отсутствовали. Увидев своего сына, плачущего так горько, они отреагировали совершенно по-разному, словно лёд и пламя.

Цзюнь Цин спокойно сказал:

— Жун, не обращай на него внимания. Чем больше его утешаешь, тем больше он капризничает. Пусть поплачет, сам успокоится.

Цзи Синь, если бы его не остановил Цзюнь Цин, наверняка бросился бы к сыну, ведь его маленькая обезьянка плакала так горько и жалобно...

Вэй Чунжун почувствовал неловкость и тихо спросил у няни Цзюнь Хуа, в чём именно Цзи Синь обманул сына. Няня объяснила, что князь Чаннин каждый раз, когда «тренировался» с юным маркизом, специально поддавался ему, и поэтому Цзюнь Хуа начал думать, что он действительно хорошо владеет мечом.

Вэй Чунжун сразу понял, какую ошибку он допустил, но сейчас Цзюнь Хуа не давал ему возможности исправить её. Придётся сделать это в следующий раз.

Как говорится, никто не знает ребёнка лучше, чем его мать, и это утверждение точно подходит к Цзюнь Цин и Цзюнь Хуа. Когда Цзюнь Хуа устал плакать и увидел, что на него никто не обращает внимания, он действительно сам успокоился, поднял деревянный меч и крепко сжал его в руке.

Увидев, что Цзюнь Хуа перестал плакать, Вэй Чунжун снова попытался его развлечь, предложив позвать его. Однако Цзюнь Хуа извивался и упрямо отказывался это делать. Вэй Чжао, наблюдая за этим, тоже начал поддразнивать мальчика, и тут же Цзюнь Хуа громко и чётко позвал его.

Затем он также тепло и ласково позвал Сунь Шу и Сунь Цзяня, но Вэй Чунжун остался единственным, кого он наотрез отказывался звать.

Вэй Чунжун перепробовал все возможные уговоры, но ничего не помогало, и тогда он решил перейти к «угрозам»:

— Маленькая обезьянка, если ты не позовёшь меня, в следующий раз я не сделаю тебе деревянный меч.

Ведь меч, которым Цзюнь Хуа пытался его ударить, был сделан именно Вэй Чунжуном.

Цзюнь Хуа задумчиво наклонил голову, его чёрные глазки забегали туда-сюда, и он мягко и нежно произнёс:

— Жун-гэгэ, я ещё хочу деревянный меч...

Его способность так быстро менять настроение вызывала восхищение.

Все вокруг рассмеялись, ведь оказалось, что звать «Жун-гэгэ» было условием для получения нового меча. Однако проблема заключалась в том, что Вэй Чунжун не был «старшим братом» — Цзюнь Хуа понизил его в статусе на одно поколение.

Но Вэй Чунжун не придавал этому значения. Пусть он будет «старшим братом» или «дядей», главное, что Цзюнь Хуа с ним общается, и не стоит заикливаться на таких мелочах.

К тому же Вэй Чжао и Цзюнь Цин всегда общались как ровесники, и Вэй Чунжун никогда не слышал, чтобы Цзюнь Цин называл Вэй Чжао «двоюродным дядей», ни разу. Даже когда он обращался к Цзюнь Цин и Цзи Синь, он называл их маркизом Чжаоян и князем Чаннин, а не «старшими братьями», как это было бы по возрасту.

Внимание детей легко переключается, и их легко успокоить. Вэй Чунжун уже два года учился в дворцовой школе и сталкивался с самыми разными проказниками, поэтому у него был богатый опыт в утешении детей. Вскоре он смог успокоить Цзюнь Хуа, и тот начал бегать за ним по пятам.

До ужина оставалось ещё немного времени, и Вэй Чжао с Цзи Синь продолжили обсуждать тему, которую не смогли закончить ранее в кабинете императора. Цзюнь Цин и Сунь Шу добавили свои комментарии с разных точек зрения, а Сунь Цзянь, не имея права голоса, мог только слушать.

Что касается Вэй Чунжуна, он даже не имел права слушать — его задачей было присматривать за ребёнком. Вэй Чунжун повёл Цзюнь Хуа в маленький сад за залом, взял его за руку и начал кормить карпов в пруду, пока несколько из них не перевернулись брюхом вверх.

Цзюнь Хуа был в восторге, бросая корм в воду горстями, и, казалось, все карпы в поместье вот-вот погибнут. Вэй Чунжун, проявив находчивость, отвлек внимание Цзюнь Хуа, предложив поиграть в прятки, чтобы спасти бедных карпов.

Сначала Вэй Чунжун думал, что, если он будет немного поддаваться, игра в прятки сможет продолжаться. В конце концов, в саду было много цветов, деревьев, искусственных горок и прудов, где двухлетний малыш мог легко спрятаться.

Но Вэй Чунжун даже в самых страшных снах не мог представить, что, повернувшись после того, как отсчитал до десяти, он сразу же увидит Цзюнь Хуа. Малыш даже не пытался спрятаться, а стоял прямо рядом с Вэй Чунжуном, так что тот не мог сделать вид, что не заметил его.

— Маленькая обезьянка, почему ты не спрятался? Ты должен спрятаться, чтобы я мог тебя найти!

Вэй Чунжун подумал, что Цзюнь Хуа не понял правил, и снова объяснил их.

Но Цзюнь Хуа, глядя на него, улыбнулся, глаза его сверкали:

— Жун-гэгэ, я боялся, что ты не найдёшь меня...

Вэй Чунжун рассмеялся, поняв, что игра в прятки не удастся. К счастью, вскоре пришла служанка, чтобы позвать их на ужин.

После ужина Цзюнь Хуа ни за что не хотел отпустить Вэй Чунжуна, держась за его рукав и изо всех сил пытаясь утащить его в свою комнату. Цзи Синь, обнимая сына, пытался его успокоить, а Вэй Чунжун говорил мягкие слова, но Цзюнь Хуа не слушал никого.

В конце концов Цзюнь Цин рассердился, взял Цзюнь Хуа на руки и, не обращая внимания на его плач, сказал Вэй Чунжуна:

— Иди, он поплачет и успокоится.

Вэй Чунжун вдруг понял, что его отец гораздо добрее, чем Цзюнь Цин.

Вэй Чунжун не осмелился возразить Цзюнь Цин, только с сочувствием посмотрел на Цзюнь Хуа, помахал ему рукой и ушёл.

Сделав два шага, он услышал, как тихие всхлипывания Цзюнь Хуа превратились в громкий плач:

— Жун-гэгэ, не уходи! Жун-гэгэ...

Вэй Чунжун не мог останавливаться, он поспешно ушёл. Прошлый опыт подсказывал ему, что чем дольше он тянет, тем сильнее будет плакать Цзюнь Хуа.

На обратном пути Вэй Чжао вдруг спросил Вэй Чунжуна:

— Жун, тебе очень нравится твой младший брат?

Каждый раз, когда они расставались с Цзюнь Хуа, Вэй Чунжун выглядел так, словно не мог с ним расстаться, а два малыша вели себя слишком уж трогательно.

Услышав это, в голове Вэй Чунжуна зазвучал тревожный звонок. Они вернулись в Юйцзин три года назад, и императрица уже не раз спрашивала Вэй Чжао о его свадьбе. Недавно Вэй Су тоже начал задавать вопросы, словно собирался сразу же подобрать ему княжну или супругу.

— Жун, я спрашиваю, тебе нравится твой младший брат?

Не дождавшись ответа, Вэй Чжао повторил вопрос.

Вэй Чунжун поспешно покачал головой и серьёзно ответил:

— Мне не нравятся младшие братья, мне нравится только маленькая обезьянка.

Сказав это, он почувствовал, что был слишком резок, и смущённо опустил голову.

Вэй Чжао был ещё молод, и даже если Цзян Чэ уже женился на Се Сю, в будущем он мог встретить кого-то, кого полюбит и кто полюбит его. Кем бы ни был этот человек, для них было бы совершенно нормально завести детей, и Вэй Чунжун не имел права этому препятствовать.

— Ты боишься, что, если у тебя появится младший брат, я перестану тебя любить?

Вэй Чжао, видя, что Вэй Чунжун молчит, добавил:

— Жун, не беспокойся, я не собираюсь жениться, и у тебя не будет младших братьев или сестёр.

Вэй Чунжун поспешно возразил:

— Папа, я не это имел в виду. Если ты будешь счастлив, женись, сколько хочешь, и заводи детей, мне всё равно.

Вэй Чжао улыбнулся и больше не стал продолжать разговор.

Весна сменялась осенью, цветы опадали и снова распускались, и вот ещё один год прошёл.

В воспоминаниях Вэй Чунжуна о прошлой жизни, сорок девятый год эры Юнцзя для империи Великая Янь был, без сомнения, тёмным годом, уступая лишь ещё более мрачному пятидесятому году.

В начале года скончался глава канцелярии Гу Яо, и Вэй Су назначил на его место бывшего заместителя министра Сюэ Жуй, что вызвало бурю негодования при дворе.

Кем был Сюэ Жуй? Представителем обедневшего аристократического рода, который поступил на службу через систему рекомендаций и более десяти лет просидел на должности уездного начальника, не продвигаясь вверх. Однако во время одного из императорских визитов он представил странствующего мастера, который оказался полезным, и благодаря этому заслужил благосклонность императора, после чего его карьера взлетела вверх.

Император становился всё старше, его здоровье ухудшалось, и он больше не доверял придворным врачам, предпочитая слушать странствующих магов. Сюэ Жуй благодаря этому продолжал подниматься по карьерной лестнице.